

Образы «добрых провинциалов» в повестях В. А. Соллогуба

В. Д. Петухов

аспирант факультета филологии и медиакоммуникаций, Вятский государственный университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Аннотация. В данной статье исследуется специфика представления образов жителей столицы и провинции в повестях писателя В. А. Соллогуба. Материалом для статьи послужили повести, написанные им в 1840-е годы. В исследовании представлена новая попытка взглянуть на творчество писателя, которого большинство литературоведов считает исключительно автором светских повестей, писавшем о высшем обществе и для высшего общества. Актуальность обращения к заявленной теме заключается в повышении интереса к творчеству писателя со стороны современных ученых, а также в отсутствии системной научной работы, в которой тема русской провинции отображалась бы наравне с темой столичного света. В ходе исследования выявляется, что провинциальная тема занимает в повестях Соллогуба значительное место. Более того, в заявленной смысловой оппозиции «столица-провинция» авторские симпатии находятся именно на стороне последней. Также прослеживается явное влияние на «провинциальные» повести Соллогуба произведений Н. В. Гоголя, в частности «Ревизора» и «Мертвых душ». Тем не менее, делая выводы, автор отмечает, что несмотря на влияние своего великого современника, Соллогуб сумел творчески переработать гоголевские сюжеты и создать собственный, самобытный художественно полноценный мир русской провинции. Не с карикатурными персонажами-типами, над которыми принято смеяться, а с живыми людьми, чьим судьбам надо сострадать. Помимо этого, автор приходит к выводу, что Соллогуб, на заре своего творческого пути показывавший «просвещенной» публике настоящую провинцию, на закате своей писательской жизни писал уже о столичном свете для «добрых провинциалов».

Ключевые слова: русская литература XIX века, В. А. Соллогуб, светская повесть, русская провинция.

Имя писателя В. А. Соллогуба ассоциируется в литературоведении прежде всего с миром «большого света», а вовсе не с миром русской провинции. Например, исследователь творчества писателя И. С. Чистова однозначно определяет Соллогуба в светские авторы. Во вступительной статье к сборнику повестей и воспоминаний писателя она пишет: «Соллогуб, испытав некоторое влияние Гоголя, ощутимое в "Истории двух калош", вскоре находит свою тему в современной прозе: жизнь светского общества». [12, с. 5] Другой известный литературовед Е. И. Кийко также отмечает Соллогуба в первую очередь как знатока светских нравов: «В. А. Соллогуб вошел в историю русской литературы главным образом как автор "Тарантаса" и нескольких других повестей, критически изображавших отдельные стороны жизни светского общества» [3, с. 3]. Солидарна с коллегами в этом вопросе и М. Белкина, которая отмечает, что такие повести, как «Два студента», «Три жениха», «История двух калош», «Большой свет», «Лев», «Аптекарьша», «...легко укладываются в общий шаблон светской повести: та же узко ограниченная среда, та же любовная интрига, развертывающаяся в атмосфере балов, маскарадов, пирушек; то же легкое, чуть насмешливое осуждение пустоты и испорченности большого света» [1, с. 7].

Между тем такие высказывания в отношении Соллогуба не совсем справедливы. Напротив, описание жизни русской провинции на протяжении всей его творческой деятельности занимало значительное место. Например, ранняя повесть «Три жениха» написана Соллогубом именно под впечатлениями о поездке по русской провинции, о чем прямо говорит та же Кийко: «Повесть "Три жениха" свидетельствует, что поездки по русской провинции не прошли бесследно для начинающего писателя. Соллогуб рассказывает в ней о жизни губернского города и создает запоминающиеся образы его обитателей...» [3, с. 8].

Со своей стороны Н. Якушин, говоря о другом раннем рассказе Соллогуба «Сереже», отмечал, что он (рассказ) «... открывал собой целый цикл произведений Соллогуба, посвященных жизни светского общества» [13, с. 9]. С этим утверждением трудно спорить, однако, важно отметить, что действие этого «светского» произведения по большей части развивается не в Петербурге, а как раз в провинции, куда и сбегает из высшего общества главный герой. Весьма любопытна при этом авторская позиция: Соллогуб, являясь, несомненно, человеком светским, не только не иронизирует над жизнью провинциалов, а, напротив, с теплой грустью

вспоминает то, что у любого светского льва вызовет в лучшем случае лишь высокомерную усмешку: *«Провинция! Провинция! Помню я тебя, с твоими уездными городами, с твоими отставными генералами, с твоим вистиком, с твоим бостончиком, со всеми твоими затеями... Помню и незабвенные твои балы – драгоценные воспоминания уездных барышень!..»* [10, с. 50].

То, что провинциальные «пейзажи» Соллогуб взял именно на себя, а не возложил на своего героя, легко объясняется при более близком знакомстве с этим героем – типичным представителем «большого света», который вряд ли бы ушел в своих рассказах о деревенской жизни дальше пары-тройки провинциальных анекдотов. Чего стоит хотя бы сцена встречи с крестьянами, на которой Сережа наставляет мужиков цитатами из романа г-жи Жанлис: *«Смотрите же, работайте хорошенько, трудитесь, любите друг друга, ходите в церковь, уважайте своего управляющего – и вы все будете счастливы»* [10, с. 44].

В том же духе Сережа ведет себя и дальше, а потому вполне логично, что герой, казалось бы, сбежав от «большого света» в деревню, в конце концов сбегает из деревни обратно в «большой свет» и *«меняет счастье жизни на приманки малодушного тщеславия»* [10, с. 36]. Что и говорить, доверить такому человеку, как Сережа, «провинциальные зарисовки» Соллогуб, конечно же, не мог, а потому именно он, а не его непутевый герой отвечает в повести за создание провинциального антуража. Взять хотя бы монолог, открывающий повесть. Это вовсе не сережины мысли, а мысли именно авторские. Соллогуб напрямую обращается к читателю, в то время как герой молча едет в телеге: *«Скучно ездить по святой Руси, нечего греха таить, куда как скучно!.. Ну так взгляните хоть на проезжающих. Сколько их тут!.. Это позабавит вас на полчасика. Но вот начинается настоящее вам горе, пропали вы совсем: вы сворачиваете с большой дороги и едете проселком. Горе вам, горе, горе, горе! Дорога делается хуже, вольных лошадей и неволью едва ли придется вам достать. Грязно, скучно, досадно!»* [10, с. 39–40].

Наметившаяся в «Сереже» смысловая оппозиция «столица-провинция» получает развитие в следующих произведениях писателя. Например, в повести «Лев», которая примечательна тем, что Соллогуб обращается к читателю уже не в форме лирических отступлений, а напрямую, так как он является непосредственным героем повести. Столицу олицетворяет собой светский «лев» – типичный представитель большого света, комический сердцеед и франт. Соллогуб, называясь другом героя, тем не менее весьма критически отзываясь и о нем, и о светском обществе в целом. Глядя на него, по мнению писателя, нельзя делать глобальных выводов обо всех людях в России. Точно так же нельзя судить обо всей стране исключительно по одному лишь Петербургу, который по сути своей – всего лишь точка на карте: *«Петербург – точка в России; модный свет точка в Петербурге. Можно ли распространять эту точку на всю огромную нашу родину?»* [7, с. 58]. Тем не менее сам автор-герой, отрешившись от большого света, *«... я оставил великосветскую жизнь, я распростился с моими модными приятелями и довольствуюсь с ними единственно шапочного знакомства»* [7, с. 60]) также не является и провинциалом. Он всего лишь сторонний наблюдатель, связывающий между собой два этих мира.

Олицетворением же провинции в повести является барыня Марфа Матвеевна, прибывшая в Петербург из Симбирска вместе с дочерью-невестой. Все в образе Марфы Матвеевны противопоставляет ее свету, начиная нелепым маскарадным костюмом и заканчивая речью. Недаром в разговоре с автором она прямо называет столицу *«вашим Петербургом»* [7, с. 71]. Конфликт столицы и провинции в повести переходит в «горячую фазу», когда «светский хищник», перепутав на маскараде дочь Марфы Матвеевны со своею светскою пассией, оскорбляет ее непристойными речами, за что получает от «травоядной» симбирской барыни прилюдную выволочку.

Несмотря на явное моральное превосходство Марфы Матвеевны над столичным львом, Соллогуб не спешит осуждать своего героя, занимая, скорее, нейтральную позицию в этом конфликте. Во-первых, он прекрасно знает, что когда-то и сам лев был скромным «травоядным» провинциалом, а во-вторых, автор догадывается, что и дочь Марфы Матвеевны – выгодная невеста – в скором времени и сама, вероятно, станет светской львицей. Более определенно о своей симпатии и прямой принадлежности именно к миру провинции писатель заявляет в другой «зоологической» повести «Медведь». Обширное сравнение преимуществ жизни деревенской над жизнью столичной Соллогуб начинает с зеркальной Марфе Матвеевне фразы: *«То ли дело наша деревенская жизнь»* [8, с. 387].

Тема же морального превосходства скромных провинциалов над представителями высшего общества прослеживается в повести «Аптекарьша», говоря о которой нельзя не упо-

мянуть Н. В. Гоголя. Дело в том, что русская провинция ассоциируется у большинства читателей именно с его произведениями. Об этом, в частности, говорит и Р. Казари, который отмечает, что именно «Мертвые души» определили «парадигму провинциального текста в русской литературе» [2, с. 164]. Помимо «Мертвых душ», нельзя не упомянуть и о гоголевском же «Ревизоре», который, как нам кажется, оказал на парадигму «провинциального текста» не меньшее влияние. Говоря же о характере «парадигмы провинциального текста», заложенной этими произведениями, нельзя не отметить, что она приобрела ярко выраженную сатирическую окраску. Правда, надо заметить, что великую гоголевскую сатиру поняли, увы, далеко не все столичные читатели. Например, эпитафия «Ревизора» «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» предполагает, что зритель будет потешаться не столько над выдуманными провинциальными жуликами-чиновниками, сколько над самим собой. Однако, повторимся, глубоко «Ревизора» прочувствовали очень немногие. Большая же часть зрителей, никогда не бывавшая в провинции, поняла комедию буквально. Больше того, как нам представляется, именно в этом поверхностном понимании кроются корни того, что типичным провинциалом в нашей литературе является какой-нибудь Добчинский или Бобчинский, а не, допустим, Самсон Вырин или Татьяна Ларина.

Ярким доказательством этого тезиса может служить характерный эпизод из «Аптекарьши», где Соллогуб продемонстрировал «эффект «Ревизора» в действии: «Смотрите же, – пишет в письме светская дама барону Фарингейму, главному герою повести, который по делам оказался в маленьком уездном городишке, – с вашей стороны не влюбиться в какую-нибудь жену этих монстров, которых я видела в “Ревизоре”» [4, с. 157].

К слову, столь пренебрежительное отношение столичной публики к провинциалам не было для Соллогуба каким-то открытием. Ведь уже в своей ранней повести «Сережа», вышедшей в печать задолго до «Аптекарьши» и «Ревизора», Соллогуб рисует во многом схожую сцену: «С какими ты, брат, **скотами** здесь познакомился?» [10, с. 34] – вместо приветствия бросает главному герою Сереже его столичный друг Саша, приехавший «спасать» бедного Сережу от женитьбы на деревенской девушке и в целом «жизни патриархальной». Не дав Сереже толком ничего ответить, Саша продолжает свою тираду: «А ты, брат, настоящий Бальзак, подпоручик Бальзак: все сочиняешь романы. Чего доброго, не влюблен ли ты в какую-нибудь **птичницу**?.. Я тебя знаю. В деревне молоко, природа, сметана, чистая любовь у ручейка, за обедом ватрушки – жизнь патриархальная. Это все очень трогательно» [10, с. 34].

Разница между Сашей и светской дамой, пожалуй, лишь в том, что Сашин хамский монолог прямо указывает на невежество говорящего, в то время как выдержка из письма светской дамы представляет собой, если можно так сказать, «просвещенное» невежество. Ведь дама почерпнула свои столь обширные знания о провинциальном мире не где-нибудь, а в театре: «Вообразите, – пишет дама далее, – я была в первый раз в жизни в русском театре! “Ревизор”, сочинение какого-то Гоголя. Довольно смешно, только дурного вкуса...» [4, с. 194].

Важно отметить, что, показывая влияние гоголевских произведений на умы «сливок» общества, Соллогуб ни в коем случае не думал критиковать самого Гоголя. Напротив, повторим, что провинция Соллогуба во многом схожа с гоголевской.

Так, в повести, конечно, присутствует главное провинциальное лицо – городничий. Помимо него есть франтик, рассказывающий все местные слухи и постоянно вертящий в руках безделушки столичного гостя. Есть и внефабульные персонажи с говорящими фамилиями, также характерные для гоголевского творчества. Стоит ли говорить, что события «Аптекарьши» проходят на фоне незабываемых пейзажей: «Лужи с утками, грязная зелень, бабы с тряпьем, тарантас с заседателем, домики с разбитыми стеклами, заклеенными бумагой» [4, с. 189].

Соллогуб, зная о буквальном восприятии столичной публики, смеется вовсе не над «аборигенами», а как раз над светским львом, который от нечего делать задумал немножко приударить, как это принято в большом свете, за местной аптекаршей. Каково же было его удивление, когда совершенно неожиданно он понял, что влюбился в нее! То есть влюбился в «жену одного из этих монстров». Правда, кажущийся таким легким и несерьезным сюжет постепенно превращается в самую настоящую драму. Происходит это уже в самом конце повести, когда Соллогуб показывает нам истинного главного ее героя – аптекаря. Он предстает перед нами не каким-то карикатурным чудовищем, как это видится столичным барышням, а, напротив, человеком, который ради любимой женщины и ее счастья готов пожертвовать и своей честью, и своей гордостью. И именно поэтому незаметный аптекарь в духовном плане стоит куда выше нежели петербургский повеса. Соллогуб тем самым словно бы проводит по-

верхностного зрителя за сцену «Ревизора». Писатель говорит, что провинция наполнена не одними ляпкиными-тяпкиными, а самыми обыкновенными *живыми* людьми со своими чувствами и душевными терзаниями.

Куда менее пафосно и драматично тема провинции получает развитие в рассказе «Собачка». В этом произведении городничий (конечно же, мошенник) буквально следует по стопам все того же Ляпкина-Тяпкина и получает взятку в виде визжащей болонки. Однако масштаб мысли городничего намного шире: помимо собаки, он просит для себя еще и *«пятьсот рублей себе, триста рублей архитектору, жене шаль в триста рублей»* [11, с. 391].

Справедливости ради, надо сказать, что городничий, будучи взяточником, является далеко не главным злом. Выше него, а значит, и еще жаднее, оказывается ревизор, которого, как известно, боится любой городничий. Сцена признания городничего является явной аллюзией на знаменитую немую сцену настоящего «Ревизора»: *«– А что бы ты на то сказал, – продолжал городничий, наклоняясь на ухо к своему собеседнику, – если и сам-то я иначе делать не мог, если б с ярмарки-то надо было мне самому поднести господину губернскому чиновнику пятнадцать тысяч рублей, – ты мне их, что ли, дашь?.. а?..»* [11, с. 396].

Писатель таким образом иронично восстанавливает «естественный ход вещей», нарушенный Хлестаковым, который получил от чиновников то, что должен был забрать настоящий ревизор. Поэтому ревизор в интерпретации Соллогуба представляется уже не предтечей неизбежной кары чиновникам за все их многочисленные грехи, а таким же банальным взяточником.

«Второй акт» Теменевской ярмарки, повесть «Воспитанница», казалось, должен продолжить историю городничего и компании, потому что действие повести проходит в тех же теменевских «декорациях», однако, Соллогуб неожиданно порывает со всеми аллюзиями на тему «Ревизора» и «Мертвых душ» и дает отставку всей «старой труппе». Единственное упоминание персонажей первого акта подчеркивает лишь ту самую общность декораций: *«... в Теменеве мало произошло перемен. Шрейн и Поченовский покончили свое существование. Городничий был переведен за отличные способности к службе на какое-то важное место. Мучной сарай не чинился, не поправлялся и поныне стоит в том же виде, как прежде, и приглашает странствующих актеров»* [5, с. 403].

Это может показаться даже странным, особенно если учесть, что посвящена повесть как раз Гоголю. Однако, если основное действие повести – трагическая судьба юной актрисы в стенах передвижного театра – вряд ли было близко творчеству Гоголя, то вот вступление, вполне возможно, адресовано именно ему. В этом своеобразном антракте, разделяющем первый и второй акты Теменевской ярмарки, Соллогуб прогуливается по улочкам провинциального города и неожиданно отмечает множество заметных улучшений в быту губернского города: *«Случай привел меня в губернский город X; и тут заметил я разные утешительные улучшения в наружности в нашем губернском быту: в наружности и во внутренности домов уже реже встречается прежнее неряшество; постоянное пьянство начали почитать несчастием; на отъявленных взяточников уже указывают пальцами; мужчины читают иностранные газеты, а на дамских столиках лежат брюссельские издания и разные книжонки русского издания, в числе которых – прошу не прогневаться – и мои смиренные повести»* [5, с. 377–378].

К слову, последняя фраза вступления – это не просто наивная попытка потешить собственное писательское самолюбие, а, скорее, осознание перехода на новый творческий рубеж. Дело в том, что молодой Соллогуб, будучи писателем светским, показывал, как мы уже отметили, просвещенной публике настоящую провинциальную жизнь: не смешную, а требующую сочувствия, сострадания. В свою очередь, Соллогуб зрелый, напротив, показывает провинциалам светскую жизнь без прикрас и без мишуры. Характерным примером в этом отношении служит типичная светская повесть «Княгиня», в которой Соллогуб прямо оградает «добрых провинциалов» от идеалов светской жизни: *«Этот очерк столичных нравов написан не для провинциалов: они, добрые люди, не поймут, чтоб женщина могла шалить общественным мнением и радоваться нареканиям и завистливым осуждением толпы; они не поймут, добрые люди, странного угара людей, вечно танцующих, вечно ищущих чего-то... – и пусть не понимают!»* [6, с. 211].

Интересным нам это вступление видится еще и тем, что Соллогуб пишет его из **настоящего**, в то время как основное действие повести «Воспитанница» представляет собой, что называется, хронику и происходит задолго до посещения Соллогубом города X, где он, собственно, и записал историю. Соответственно, проделки городничего из первого акта Теменевской ярмарки происходили и того раньше.

Из этого не следует, однако, что Гоголь напрасно хулил провинциальное чиновничество, чьи прегрешения на самом деле остались далеко в прошлом. Напротив, Соллогуб скорее ставит Гоголю в заслугу, что теперь в самой провинции, а не в той же столице «на отъявленных взяточников указывают пальцами». Но теперь, когда постыдные пороки выявлены и осмеяны, Соллогуб как бы предлагает Гоголю обратить мощь своего таланта в противоположную сторону, показать не какими русские люди были, а какими они должны быть, к чему, быть может, они должны стремиться. Сложно сказать, прислушался ли Гоголь именно к Соллогубу, или же сам пришел к пониманию того, что в его творчестве наступает некий новый этап, но его нашумевшие «Выбранные места из переписки с друзьями» представляют собой кардинальную перемену взглядов писателя.

Сам же Соллогуб, пожалуй, не претендовал на роль какого-то пророка или властителя дум, а потому решал задачи, быть может, менее глобальные, но по-своему не менее значимые. В следующей своей повести «Метель», случайно сведя на Богом забытой почтовой станции, столичного офицера и провинциальную барыню, Соллогуб без свойственной ему иронии дает своим героям просто поговорить и неожиданно выяснить, что разными путями они пришли к одному жизненному итогу: «... я от излишества, – говорит своей случайной спутнице молодой офицер, – вы от недостатка – мы **оба** дожили до **одного**, то есть до тяжелой скуки» [9, с. 427]. И пусть итог этот не кажется утешительным, пусть героям не суждено быть вместе: «Судьба нам не назначила быть вместе, но пусть же останется нам сознание, что, когда мы сошлись случайно, мы поняли друг друга, оценили друг друга, и по крайней мере нам будет теплое задуманное воспоминание: вам – в скучной вашей деревне, мне – в скучной моей светской жизни» [9, с. 429]. Для Соллогуба, пожалуй, главным является не счастливый финал, а то, что в лице главных героев столица и провинция наконец-то смогли объясниться и понять друг друга.

Подводя итоги нашего небольшого исследования, можно сделать следующие выводы. Во-первых, В. А. Соллогуб не был автором, писавшим исключительно о «большом свете» и его обитателях. Напротив, изображение русской провинции и ее жителей занимало значительную часть в его творчестве. Более того, чем старше становился писатель, тем более «провинциальными» становились его тексты.

Во-вторых, в изображении жителей русской глубинки Соллогуб, во многом опираясь на гоголевскую «провинциальную» традицию, все же стремился не столько высмеивать провинциалов, сколько показывать их человеческое лицо, которое скрыла от читателей и зрителей гоголевская сатира. Исходя из этого, подчеркнем, что Соллогуб, создавая образы «добрых провинциалов», боролся, конечно же, не с Гоголем, а с поверхностным пониманием его произведений столичной публикой.

В-третьих, несмотря на все явные различия между жителями столицы и провинции в ранних повестях писателя, ему все же удалось на страницах своих поздних повестей примирить их, показав тем самым, что место жительства не влияет на внутренние качества человека.

Список литературы

1. Белкина М. А. Водевиль Соллогуба. М., 1937. С. 7.
2. Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX в. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф-текст-реальность. М. ; СПб. : Тема, 2000. С. 164–170.
3. Кийко Е. И. В. А. Соллогуб // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М., 1962. С. 3–8.
4. Соллогуб В. А. Аптекарьша // Тарантас : повести. СПб. : Азбука, 2012. С. 107–164.
5. Соллогуб В. А. Воспитанница // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 377–403.
6. Соллогуб В. А. Княгиня. Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 2. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 211.
7. Соллогуб В. А. Лев // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Советская Россия, 1988. С. 58–71.
8. Соллогуб В. А. Медведь. Сочинения графа В. А. Соллогуба : в 5 т. Т. 1. СПб. : А. Смирдин (сын), 1855–1856. С. 387.
9. Соллогуб В. А. Метель // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Правда, 1988. С. 427–429.
10. Соллогуб В. А. Сережа // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Советская Россия, 1988. С. 36–50.
11. Соллогуб В. А. Собачка. Избранная проза. М. : Правда, 1983. С. 373–397.
12. Чистова В. А. Беллетристика и мемуары Владимира Соллогуба // Соллогуб. Повести. Воспоминания / В. А. Соллогуб. Л. : Художественная литература, 1988. С. 5.
13. Якушин Н. И. Писатель с замечательным дарованием // Повести и рассказы / В. А. Соллогуб. М. : Советская Россия, 1988. С. 9.

Images of "good provincials" in the stories of V. A. Sollogub

V. D. Petukhov

postgraduate student of the faculty of philology and media communications, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-6346-2171. E-mail: vict.petukhoff@yandex.ru

Abstract. This article examines the specifics of the representation of images of residents of the capital and the province in the stories of the writer V. A. Sollogub. The material for the article was stories written by him in the 1840s. The study presents a new attempt to look at the work of a writer who is considered by most literary critics to be exclusively the author of secular novels, who wrote about high society and for high society. The relevance of the appeal to the stated topic is to increase the interest in the writer's work from modern scientists, as well as in the absence of systematic scientific work in which the theme of the Russian province would be displayed on a par with the theme of the capital's light. The research reveals that the provincial theme occupies a significant place in Sollogub's stories. Moreover, in the declared semantic opposition "capital-province" author's sympathies are on the side of the latter. There is also a clear influence on the "provincial" stories of Sollogub works of N. V. Gogol, in particular "The inspector" ("Revizor") and "Dead souls" ("Mertvye dushi"). Nevertheless, drawing conclusions, the author notes that despite the influence of his great contemporary, Sollogub was able to creatively rework Gogol's stories and create his own, original, artistically complete world of the Russian province. Not with caricature characters-types that are usually laughed at, but with real people whose fates need to be pitied. In addition, the author comes to the conclusion that Sollogub, at the dawn of his creative career, showed the "enlightened" public a real province, at the end of his writing life, wrote about the capital's light for "good provincials".

Keywords: Russian literature of the XIX century, V. A. Sollogub, secular novel, Russian province.

References

1. Belkina M. A. *Vodevil' Solloguba* [Vaudeville of Sollogub]. M. 1937. P. 7.
2. Kazari R. *Russkij provincial'nyj gorod v literature XIX v. Paradigma i varianty // Russkaya provinciya: mif-tekst-real'nost'* [Russian provincial city in the literature of the XIX century. Paradigm and options] // *Russkaya Provinciia: mif-tekst-real'nost' – Russian province: myth – text – reality*. M. ; SPb. Tema. 2000. Pp. 164–170.
3. Kijko E. I. *V. A. Sollogub* [V. A. Sollogub] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. 1962. Pp. 3–8.
4. *Sollogub V. A. Aptekarsha* [Pharmacist woman] // *Tarantas : povesti – Tarantas : novels*. SPb. Azbuka. 2012. Pp. 107–164.
5. *Sollogub V. A. Vospitannica* // *Povesti i rasskazy / V. A. Sollogub* [Pupil] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda. 1988. Pp. 377–403.
6. *Sollogub V. A. Knyaginya. Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t. T. 2* [The Princess. Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 2]. SPb. A. Smirdin (son), 1855–1856. P. 211.
7. *Sollogub V. A. Lev* [Lion] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. Pp. 58–71.
8. *Sollogub V. A. Medved'. Sochineniya grafa V. A. Solloguba : v 5 t. T. 1* [Bear. Works of count V. A. Sollogub : in 5 vols. Vol. 1]. SPb. A. Smirdin (son), 1855–1856. P. 387.
9. *Sollogub V. A. Metel'* [Snowstorm] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Pravda. 1988. Pp. 427–429.
10. *Sollogub V. A. Serezha* [Serezha] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. Pp. 36–50.
11. *Sollogub V. A. Sobachka. Izbrannaya proza* [Dog. Selected prose]. M. Pravda. 1983. Pp. 373–397.
12. *Chistova V. A. Belletristika i memuary Vladimira Solloguba* [Fiction and memoirs of Vladimir Sollogub] // *Sollogub. Povesti. Vospominaniya – Sollogub. Novels. Memoirs / V. A. Sollogub*. L. Hudozhestvennaya Literatura. 1988. P. 5.
13. *Yakushin N. I. Pisatel' s zamechatel'nym darovaniem* [Writer with a remarkable talent] // *Povesti i rasskazy – Novels and stories / V. A. Sollogub*. M. Soviet Russia. 1988. P. 9.